

РУСЬ И ПРАВОСЛАВИЕ: ДАРЫ И ЗАДАНИЯ БЛАГОДАТНОЙ ВСТРЕЧИ

С.С.Хоружий

История нашего отечества изобилует драматичностью. Ее стойкое свойство – быть вечно на перепутьях, в ситуации решений и рисков, дилемм и альтернатив, которые горячо обсуждаются в обществе. Напряженная историческая рефлексия – постоянный спутник русского сознания; и нередко наступают моменты, когда она обретает особую остроту, когда русское сознание стремится заново осмотреть и осмыслить весь свой путь. Тогда меняются оценки целых эпох, сдвигаются векторы и траектории исторического развития, выстраиваются новые идейные, культурные, политические конфигурации. И нет сомнения, что один из подобных моментов мы вновь переживаем сейчас, в наши дни. Пока идет еще по преимуществу время действий, время событий; однако сознание нации не должно выжидать, оно должно немедленно и параллельно с событиями вести свою осмыслительную работу. В плавильный тигель перемен вовлекаются многие крупномасштабные темы и предметы от древности до наших дней: это и изначальные пласты нашей истории, и сегодняшние культурно-цивилизационные ориентации, и приоритетные направления общенациональных усилий. Ощущение крупного и глобального, тектонического масштаба происходящих и близящихся изменений успело прочно уже войти в наше общее сознание.

В подобной ситуации явственно выступает одна задача: во всем сложном материале истории и современности важно увидеть и выделить *н е з ы б л е м о е*, то, что никак не могут сдвинуть или поколебать все наших бесконечные переоценки и пересмотры. Определенный фонд незыблемого насущно нужен в пору тектонических сдвигов и радикальных перемен: с ним мы не остаемся без опоры в новом пространстве, и он может подсказать путь для продвижения в нем.

Именно к этому незыблемому и обращает нас тема нашего собрания. Миссия равноапостольного князя Владимира – Крещение Руси. Это великое событие завершило эпоху начальных контактов Руси с христианским миром и опытом, эпоху русского предхристианства, и открыло эпоху русского христианства. В нем получила окончательное и необратимое закрепление *встреча Руси и Православия*, и можно твердо считать, что в фонде российского незыблемого достояния эта встреча составляет его начало и основу, его внутреннее ядро или, как выражался о. Павел Флоренский, ядро ядра.

Почему мы считаем так? Потому что опыт этой встречи, включающий и ее наследие, ее дары, заветы, уроки, стал для русского сознания тем, что философия называет конститутивный опыт: то есть такой опыт, в котором складываются сам тип и основные структуры национальной идентичности, национального самосознания и менталитета. Именно в этой встрече и в результате нее возникают наконец условия для формирования на Руси культурной и духовной традиций, а с ними – и для формирования полноценного культурно-цивилизационного организма, субъекта исторического развития. Существование нашего отечества приобретает новое качество – историчность, качество осознанной включенности в глобальный культурно-исторический процесс и осмысленного участия в нем. И все эти плоды встречи суть главные и необходимые условия полноценного присутствия и соучастия России в истории. Поэтому они должны быть неотменимыми, неотчуждаемыми приобретениями, должны остаться при любых дальнейших переменах и перипетиях – иными словами, они действительно должны стать ядром незыблемого достояния страны.

Но здесь нас могут встретить вопросы и возражения. Почему все названные определяющие качества, элементы культурно-цивилизационного организма рождаются лишь во встрече Руси и христианства? Разве же они – или по крайней мере, их главная часть – не были принадлежностью Древней Руси и раньше, в ее языческую эпоху? Эти вопросы – как раз из круга тех новых переоценок и сдвигов, что во множестве возникают

в наше время и в научно-культурном, и в широком общественном сознании. Одно из направлений в этих сдвигах касается именно изначальных пластов русской истории, касается характера и значения древнего славянского язычества. Еще не столь давно эпоха христианизации Руси прочно и неоспариваемо считалась началом отсчета российского исторического времени, тогда как славянское язычество полагали не-историческим явлением, которое существовало почти исключительно в рамках размытой народно-фольклорной стихии, не достигая отчетливых форм государственности, религии и письменной культуры. Однако в не столь давнее время начали активно высказываться и совершенно иные взгляды. Язычество древних славян, да и других народов России, начало привлекать большое внимание и нередко его стали представлять как достаточно высокоразвитую, полноценную и жизнеспособную религиозную и культурную формацию. Предполагалось при этом, что данная формация была для наших предков своей, исконной, родной, выражающей подлинную природу и дух славянства, тогда как христианство явилось пришлой и чуждой верой, которая насильственно вытеснила и подавила эти исконные, органические начала народной души и народной жизни. На этой почве возникли заметные тенденции к реанимации славянского язычества, его современному возрождению. Сегодня они сложились в известное движение так называемого «родноверия», популярное среди молодежи и имеющее свои аналоги во многих неславянских культурах России. И эти неоязыческие тенденции означают, очевидно, едва ли не диаметрально противоположную переоценку христианизации России, дела равноапостольного князя Владимира.

Тем не менее, все подобные попытки радикальной ревизии принятых научных и церковных позиций отнюдь не выдерживают серьезной критики. Эти позиции – на прочном фундаменте, они уже давно и подробно обоснованы как в светской, так и в церковной науке. Напротив, все новые реконструкции веры и культуры древних славян, что делаются в русле современных апологий язычества, пока представляют собой не более чем импровизации, как правило, дилетантского, ненаучного или паранаучного характера. Остаются неоспоримы исторические и культурологические положения, устанавливающие необходимые свойства полноценного культурно-исторического развития. Это развитие создает единую связность исторического пространства, и достигается это лишь путем создания базового духовно-культурного фонда, параллельно с которым непременно создается и механизм его трансляции во времени, через поколения. *Только так может начаться то, что называется историей, или культурной историей.* То же, что формирует данный фонд и данный механизм, – это комплекс основных традиций, ядро которого составляют духовная традиция и культурная традиция. Наличие такого комплекса можно рассматривать как критерий историчности; и здесь-то пролегает та грань, которой не перешло языческое славянство. Можно признать, что старая классическая наука бывала повинна в некоторой пренебрежительности к нему, в недооценке его мира и его достижений, в том числе, и культурных. Можно согласиться, что жизнь наших дальних предков была богаче, была более развитой и глубокой, чем это привычно считалось. Но при всем том, никак невозможно отрицать того, что языческое славянство не создало комплекса основных традиций, которые складывают культурно-цивилизационный организм, давая ему качество историчности. Культурно-цивилизационная идентичность была выстроена в славянском мире только с приходом христианства, с его помощью и на его основе. Один из решающих показателей здесь – письменность, без которой не обеспечивается идентичная трансляция культурного фонда. И один из главнейших элементов христианизации Руси – принесение письменности. Миссия свв. Кирилла и Мефодия – необходимейшая предпосылка успеха миссии св. князя Владимира.

В исторической перспективе наиболее важным было то, как же происходило появление христианства в славянском мире, каков был характер встречи христианства и язычества, христианского и языческого сознания на славянской почве. И здесь, в самом важном пункте, не только взгляды современного неоязычества, но также в большой мере

и воззрения старой секуляризованной науки оказываются до крайности поверхностными или прямо неверными. Эти воззрения и взгляды передают содержание встречи языческого и христианского миров почти исключительно в категориях вытеснения, подавления, запрета, а то и прямого насилия. Обычные описания процессов христианизации Руси, как правило, ставят в центр столкновение и противостояние, победу агрессивного нового и решительное искоренение, выкорчевывание старого. Такое освещение не беспочвенно, в подобном стиле нередко пишут сами первоисточники. Однако внимательный взгляд часто может различить, что этот стиль первоисточников несет влияние целого ряда факторов: тут и идейные, идеологические установки, и каноны летописного или агиографического жанра, и наконец просто литературные резоны, цели драматизации изложения, внесения ярких и зрелищных моментов. Все описания в таком роде отражают более поверхность событий. На глубине же процессы были сложнее и в немалой мере носили другой характер.

Но какой же? Как мог этот характер быть существенно другим, если христианство и в самом деле было принесенной, чужой религией, если оно действительно насаждалось извне и притом заявляло о своей полной несовместимости с прежним культом? Этот вопрос прямо обращает нас к тому, что же было на глубине, и ответ на него во многом раскрывает само внутреннее существо встречи Руси и Православия. Ответ, пожалуй, не так прост, но его очень помогает понять одна подсказка, которую нам дает Пушкин. Она до гениальности лаконична. В знаменитом письме к Чаадаеву 1836 г., размышляя над слишком резким западничеством своего друга и возражая ему, Пушкин пишет краткую фразу: *«Греческая вера дает нам наш особенный национальный характер»*. Вся суть проблемы здесь схвачена сразу, простой и парадоксальной формулой. Поэт утверждает максимальную, фундаментальную роль Православия для России: ибо «особенный национальный характер» – это то же что национальная идентичность, национальное самосознание, свое лицо; это все то, что составляет собственную уникальную суть, собственное отличие от всех. Утверждается, что всем этим обладает Россия, что у нее, вопреки Чаадаеву, налицо самостоятельность и полноценность ее культурного облика и цивилизационного пути. Но! при этом все наши русские уникальные отличия нам дает «греческая вера», вера отнюдь не наша, чужая. Как возможно такое сочетание? Как можно путем принятия чужого обрести свое отличительное своеобразие, свое отличие от всех, а стало быть, и от этого чужого тоже? Мы видим, что суждение Пушкина несет в себе загадку, или противоречие, или парадокс; поэтому я называю его *парадоксом Пушкина*.

Пушкин не дает разъяснений своего парадокса, но его емкая формула сразу же задает верное направление ума, выводит к разгадке. Формула говорит две важные вещи: что мы обрели наш национальный характер, нашу идентичность не вопреки греческой вере, а благодаря ей; и что при этом обретенный характер оказался отнюдь не греческим, а нашим собственным и особенным, уникальным. Иными словами, Православие, греческая вера, не только не стало для русского сознания подавлением его собственной жизни, его мира, но открыло для этого сознания новые горизонты, дало ему возможность найти себя и себя выразить. Событие встречи с Православием принесло ему не оковы, не впадение в рабскую зависимость, а совершенно наоборот, расковывание, высвобождение потенциалов, которые прежде оставались под спудом. В этом событии для русского сознания, русской культуры раскрылись новые, несравнимые с прежними, возможности самовыражения и самореализации. Встреча Руси и Православия стала благодатной встречей, в которой родились русская идентичность и *русское* Православие. Именно это и есть – разрешение парадокса Пушкина.

Важно, что формула Пушкина – не отвлеченная философия. Это – умная подсказка или, как скажут философы, герменевтический ключ, который указывает, как нам надо читать нашу историю. И в этом пушкинском ключе мы видим, что православная вера сразу, немедленно стала для Руси, для ее формирующейся Церкви, для ее нарождающегося христианского сознания тем руслом, в котором они действительно

выражали свой особенный национальный характер, свою русскую природу. Точнее, лишь в этом христианском русле, в свете Христовой истины, впервые стало отчетливо выступать, что же это есть – русская природа. Первое и ярчайшее проявление этой духовной самостоятельности – канонизация первых русских святых, Бориса и Глеба. Поистине, это – этапный эпизод и светской, и церковной нашей истории. Как все мы помним, в 1015 г. происходит убиение братьев, а уже в 1020 г. Русская Церковь, следуя за их всенародным почитанием, выступает с инициативой их канонизации и совершается их причисление к лику святых. Но это событие канонизации было далеко не обычным. Гибель Бориса и Глеба не была мученичеством за веру (убийство было содеяно Святополком Окаянным из жадности власти), и житие их не отвечало никаким сложившимся видам или, говоря языком Ареопагита, чинам святости. С другой стороны, однако, эта гибель носила характер вольной жертвы, принятия страдания и смерти ради любви меж ближними. В этом она была подобием жертвенной смерти Христа – и, стало быть, действительно была актом христианской святости. В дальнейшем Церковь признала это, и в православную агиологию был внесен новый чин *страстотерпцев*. Таким образом, хотя с Крещения Руси прошло всего лишь 32 года, но христианское чутье новокрещеного русского сообщества было глубоким и точным. А в том, что это сообщество зорко выделило определенный, ранее не замечавшийся род святости и усиленно настаивало на его признании, – в этом, бесспорно, проявились особенные, собственные духовные приоритеты русского сознания. Через Православие, в Православии оно выразило свои глубинные ценности, и здесь мы со всею яркостью видим парадокс Пушкина в действии.

Имея пушкинский ключ, мы без труда можем поставить рядом с этим первым примером множество подобных ему. Уже и сам равноапостольный князь Владимир в своей личной святости обнаруживает специфические черты, родственные и близкие святости его сыновей, что выбрали пожертвовать собою, дабы не приумножалось зло. Нам с детства памятно, как «Повесть временных лет» описывает правление Владимира после принятия христианства, и мы, как все читатели, поражались упорным, прямолинейным, едва ли не наивным стремлениям князя во всем следовать заветам любви Христовой, милосердия и смирения. Нельзя не видеть и еще одного важного мотива, который без сомнения присутствует в святости Бориса и Глеба: мотива, говорящего об отношении к власти. Ведь исторический контекст события их святой кончины – это борьба за власть, и значит святые страстотерпцы несомненно оставили нам в этом событии какой-то урок, касающийся отношения к власти! а возможно, и самой сути власти, какую она была для них. Так выразил эту сторону события наш современник, русский христианский философ Владимир Бибихин:

«Дружина требовала от Бориса и Глеба мобилизации, решительного сражения, победы, взятия города, изгнания вероломного брата. Борис и Глеб сказали, что бороться за власть не будут даже под угрозой смерти. Поступок законных наследников князя Владимира в год передачи власти определил всю нашу дальнейшую историю. Империя зла? Скорее странное пространство, где зло на свою погибель может размахнуться как нигде, не видя понятных ему противников и поэтому до времени не замечая, что его власть здесь уже давно и тайно отменена. Страна до краев полна невидимым присутствием погибших, молча ушедших. Они давно и неслышно стали главной частью нас самих.

Законные наследники правителя Борис и Глеб, не боровшиеся за власть, власть никому не дарили, не вручали, не завещали. Власть у них не была отнята, вырвана, отвоевана, ведь нельзя отнять то, за что не держатся. И так само собой получается, что хотя многие хватили власть в России, жадные от вида того как она валяется на дороге, власть России остается всё время по-настоящему одна: власть молодых Бориса и Глеба, никуда от них не ушедшая, им ни для какой корысти не нужная, им одним принадлежащая

по праву, по правде, по замыслу страны. Власть России в этом смысле никуда не девалась, не ослабла, не пошатнулась. Ее не надо рожать. Ей тысяча лет»¹.

И далее, во всем ходе русской истории, мы различаем, как постепенно совершалось становление, артикуляция нашего «особенного национального характера», и как Православие, «греческая вера», ставшая уже и «верой русской», неизменно доставляло условия и средства и направляющие ориентиры для этой артикуляции. Можно думать, что именно это соответствие русские люди интуитивно имели в виду, говоря о «Святой Руси». Определяющие начала этой символической формации заложены в ее истоках, в святости равноапостольного Владимира и его сыновей-страстотерпцев. Мы видели их: это верховенство любви Христовой во всем, это способность на жертву, это смирение и милосердие, и можно добавить еще, это – православная аскеза, которая тоже, несомненно, вошла в ядро русской духовности. Все они получили свое выражение в нашей истории исключительно как плоды благодатной встречи Руси и Православия.

К этому нужно добавить, что такой итог встречи, благодатный и плодотворный, положивший начало Святой Руси и ее историческому пути, никак не был сам собой обеспечен. Напротив, чтобы итог стал таким, требовались многие предпосылки, многие свойства встречающихся сторон. Было совершенно не очевидно, не гарантированно, что русское сознание сумеет воспринять принесенную греческую веру именно так – не как чужое насильственное вторжение или по крайней мере помеху для своей жизни, но как открывающуюся новую возможность, как новый ценный ресурс для собственного развития. Здесь проявилось важное свойство русского сознания, которое глубоко подметил и о котором сказал уже не Пушкин, а Достоевский в своей знаменитой речи о Пушкине: свойство, которое он назвал *всемирной отзывчивостью русского сознания*. По праву можно сказать, что это редкостное, необычайное свойство впервые с яркостью проявилось опять-таки в благодатной встрече Руси и Православия.

Не только в русской, но и в мировой культуре Достоевский имеет стойкую репутацию пророка. Он обладал необычайной интуицией будущего; и в нашей теме это проявляется в том, что из многих свойств нашего «особенного национального характера», подмеченная им всемирная отзывчивость ныне оказывается едва ли не самым актуальным свойством. Благодаря этой отзывчивости смогла сложиться встреча Руси и Православия; и сегодня, в исторической перспективе, мы видим, что эта встреча заключает в себе и некий общий урок. На своем опыте наши дальние предки открыли и воплотили в жизнь модель гармонической встречи культурных миров – взаимно обогащающей встречи, когда каждый находит в другом новые возможности своего собственного самовыражения. Эта модель по сей день сохраняет потенциал, она способна иметь ценность и для современной миссионерской работы Церкви, и для межкультурных, межрелигиозных контактов. И поэтому с полным правом мы можем говорить и о сегодняшнем непреходящем значении миссии святого равноапостольного князя Владимира.

¹ В.В.Бибихин. Узнай себя. С.-Петербург, 1998. С.224-225.